

Путевыя впечатлѣнія.

Уходъ изъ Севастополя.—Штурмъ.—Греческіе храмы.—Организація религіозной жизни въ Греческомъ флотѣ.—Два слова о томъ же въ Германіи и Америкѣ.

Командующій морскими силами Чернаго моря адмираль Эбергардъ на второй день истекшей Пасхи предложилъ мнѣ совершить двухнедѣльное плаваніе на яхтѣ „Алмазъ“. Это предложеніе вполнѣ отвѣчало на зрѣвшему во мнѣ желанію поплавать на какомъ-либо суднѣ, чтобы познакомиться съ условіями жизни нашихъ моряковъ, а также и съ дѣятельностію судового священника. Изъ Чернаго моря военныя суда уходятъ весьма рѣдко, а здѣсь какъ разъ представлялся случай побывать въ Афинахъ и въ Константинополѣ; за одно манила меня перспектива знакомства съ организаціей религіознаго дѣла и въ Греческомъ флотѣ, какъ во флотѣ другой православной державы. Была надежда, что удастся и отдохнуть отъ повесенныхъ зимою трудовъ.

Поэтому предложеніе адмирала я принялъ съ глубокою признательностію. Итакъ, на двѣ недѣли я превратился въ судового священника. Въ виду того, что на „Алмазѣ“ церкви нѣтъ, то, собираясь въ путь, я захватилъ все необходимое для богослуженія, въ томъ числѣ и походный антиминъ, чтобы, въ случаѣ возможности, отслужить и литургію. Кромѣ предметовъ, потребныхъ для богослуженія, я взялъ съ собою нѣсколько сотенъ листовъ религіознаго и патріотическаго содержанія, а также троицкихъ книжекъ для раздачи матросамъ. Наконецъ, я рѣшилъ взять съ собою и нѣсколько серій свѣтовыхъ картинъ, содержаніе которыхъ такъ или иначе касалось тѣхъ мѣстъ, мимо которыхъ намъ надлежало проѣзжать, особенно же о Константинополѣ и Афинахъ. Для того, чтобы испытывать менѣе затрудненій въ устройствѣ богослуженія въ незнакомыхъ мнѣ условіяхъ, я просилъ разрѣшенія захватить съ собою соборнаго сторожа, хорошаго чтеца и пѣвца. Мнѣ и въ этомъ не отказали.

Мы прибыли на яхту наканунѣ ухода, а именно—14 апрѣля, въ 9 часовъ вечера. День на яхтѣ уже кончался. Команда уже легла на

ночной отдыхъ, кончалась жизнь дневная и въ каютѣ-компаніи. Мнѣ на первую недѣлю, до прибытія на яхту Высочайшихъ особъ, предоставлена была прекрасная каюта, роскошно обставленная, большая, въ два окна, такъ что первую ночь я чувствовалъ себя въ обстановкѣ не менѣ удобной, чѣмъ дома. Вторую недѣлю я помѣщался въ каютѣ „адъютантской“, обстановка которой не отличается ничѣмъ отъ обстановки обще-офицерской. Такимъ образомъ, на себѣ самомъ я оцѣнилъ разницу неодинаковаго устройства на кораблѣ.

Узнавъ съ вечера, что утренняа молитва совершается около половины шестого, я всталъ 15 апрѣля въ пять часовъ, чтобы поспѣть къ молитвѣ, но, къ моему огорченію, оказалось, что въ этотъ день, по случаю ухода, молитва была устроена въ половинѣ пятаго. Я выразилъ сожалѣніе, что меня не разбудили, и съ тѣхъ поръ меня будили аккуратно, каждый день, какъ бы рано молитва ни совершалась, такъ что иногда я уже былъ и не радъ этой любезности.

Мы снялись ровно въ 7 часовъ утра, 15 апрѣля. Неирривѣтливо насъ встрѣтило Черное море. Былъ сильный сѣверо-восточный штормъ. Алмазь судно очень узкое, весьма подверженное вліянію волнъ, поэтому качку пришлось испытывать весьма сильную. Были моменты, когда судно накренилось болѣе, чѣмъ на 35 градусовъ. Кромѣ прелестей морской болѣзни, первая сутки мнѣ не дали никакихъ другихъ впечатлѣній. Я плохо переносилъ море, а посему немедленно послѣ выхода вынужденъ былъ отправиться въ каюту и принять горизонтальное положеніе. Такъ качка переносится легче. Впрочемъ страдалъ не я одинъ. Лежали и всѣ новобранцы, только что принятые на корабль. Досталось даже и многимъ старымъ матросамъ. Прелесть путешествія въ одинъ изъ приморскихъ городовъ узнали весьма многие. Моя койка была расположена поперекъ корабля, а посему бортовую качку я испыталъ во всю. Не скажу, что она доставляетъ пріятныя минуты. Впрочемъ, она полезна для самопознанія. Въ обычныхъ условіяхъ мы забываемъ о внутренностяхъ нашего брэннаго тѣла. При бортовой качкѣ приходится вспомнить о всемъ его содержимомъ, когда оно какъ въ закрытомъ сосудѣ переливается то снизу вверхъ, то сверху внизъ. Пренепріятныя ощущенія. Если средніе вѣка при своей избрѣтательности на всякаго рода пытки, не додумались до устройства искусственной бортовой качки, то они потеряли весьма много. Представьте себѣ, что васъ, правда легко, но основательно переворачиваютъ назадъ, головою внизъ и вы ощущаете, какъ всѣ ваши внутренности перекачываются вмѣстѣ съ вами; перекачивается, кажется и самая кровь, и мышцы. Корабль наклоняется въ обратную сторону, и всѣ внутренности снова катятся въ прежнее состояніе. Но вотъ опять качаетъ назадъ, и снова ты внизъ головою, а внутренности навалились на тебя. Вотъ ощущенія отъ сильной бортовой качки. На первыхъ порахъ это даже занятно. Какъ-то странно и необычно. Удивляешься, что доселѣ не представлялъ себѣ, что ты ничто иное, какъ кожаный мѣшокъ, наполненный жидкостями и мягкими тѣлами. Но вскорѣ чувство новизны смѣняется чувствомъ тяготы. Всѣ внутренности отъ постоянного безпокойства начинаютъ ныть, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Наконецъ, все переходитъ въ общую боль. Тутъ мнѣ вспомнилось, что въ подобныхъ обстоятельствахъ рекомендуется посильнѣе повязать животъ. Расчетъ здѣсь ясный. Мѣшокъ уменьшится, его содержимое плотнѣе будетъ прилегать другъ ко другу въ своихъ частяхъ и перекачиваніе не будетъ сопровождаться такой массой внутреннихъ движеній. Дѣйствительно, стало значительно легче. Но прошелъ часъ, другой, снова нытье, снова

боль. Наружная повязка оказалась недостаточной. Съ 6 часовъ утра ничего не ѣлъ, въ желудкѣ пусто. Вставать нечего и думать. Болѣе полу-минуты не выдержать; до того развивается приступъ тошноты, что немедленно бросаешься на постель и тѣмъ только спасаешься. Съ небольшими безпокойствами и съ большими перерывами я проспалъ до 4 часовъ утра. На морѣ стало значительно спокойнѣе. Я рѣшилъ встать, чтобы участвовать на молитвѣ и полюбоваться входомъ въ Босфоръ.

Солнышко еще не встало, но уже было свѣтло. Вдали едва-едва виднѣлись силуэты Анатолийскихъ береговъ. Жизнь на кораблѣ шла обычнымъ темпомъ, но было много слѣдовъ вчерашней бури. „Алмазъ“ потерялъ свой блестящій видъ. Соленныя волны, ударяясь о его бортъ, разрисовали его по собственному вкусу. Вся мѣдь на кораблѣ позеленѣла. Много разбито посуды, но какихъ-либо серьезныхъ потерь и поврежденій не было. Все заблаговременно было предусмотрено, все перевязано. Холодно. Въ осенней рябѣ едва-едва въ пору, а въ Севастополѣ было лѣто.

Молитва была около пяти часовъ. Послѣ вчерашняго шторма молитва была усерднѣе и теплѣе. „Что, братны, вчера здорово покачало“, обращаюсь къ матросамъ-новобранцамъ. „Точно такъ, батюшка всѣ лежали, да и старымъ досталось“. „Меня, говорю, тоже потрепало изрядно“. Улыбаются. „Да ничего, говорю я, Богъ дастъ, попривыкнемъ“. Общія переживанія насъ сразу облизали.

Очертанія береговъ становились все яснѣе. Заря. Солнышко своими первыми нѣжными лучами блеснуло изъ-за горъ. Вотъ показались и Европейскія берега. Мы входимъ въ Босфоръ. Въ общемъ берега, напоминаютъ берега Крыма и Кавказа. Такіе же горы, тотъ же низкорослый лѣсъ. Кое-гдѣ видны остатки древнихъ Генуэзскихъ башенъ. Пока довольно пустынно. Но вотъ начались селенія. Весна въ полномъ разгарѣ. Всюду свѣжая молодая зелень, много цвѣтовъ. Азиатскій берегъ еще въ тѣни, а Европейскій нѣжно освѣщенъ. Горы, лѣса, ущелья, селенія становятся все чаще. Начались окрестности Константинополя. Здѣсь все оживлено. Проѣхали Буюкъ-Дере съ массою прекрасныхъ европейскихъ дачъ. Возлѣ меня стоитъ офицеръ, хорошо изучившій окрестности Константинополя. Онъ любезно показываетъ мнѣ всѣ достопримѣчательности, указываетъ мѣсто, гдѣ, по мнѣнію археологовъ Олегъ прибилъ свой щитъ къ вратамъ Царьграда; готъ башни и остатки византийскихъ стѣнъ на Азиатскомъ и Европейскомъ берегахъ. Подходимъ къ Золотому рогу, но за извилиной его въ этотъ разъ не удалось разсмотрѣть. Вообще весь Константинополь въ дыму. Досадно. Азія въ тѣни, Европа въ дыму. А что, если и на возвратномъ пути опять повторится то-же. Мы проходимъ мимо Константинополя, послѣ небольшой, не болѣе полу-часа остановки. Какое сильное теченіе въ Босфорѣ. Константинополь мало по-малу проходитъ мимо насъ. Онъ очарователенъ издали. Вотъ знаменитый семибашенный замокъ, въ которомъ приходилось сидѣть и нѣкоторымъ изъ нашихъ пословъ. Вотъ наша Санъ-Стефанская церковь-памятникъ. Кончился Босфоръ. Началось Мраморное море. Снова потянулись пустыни, но на дворѣ тепло. Солнышко привгрѣваетъ, члены пріятно расправляются. Прошли Мраморные острова. Вошли въ Дарданеллы. Опять стало оживленнѣе. Не взирая на усталость послѣ вчерашняго дня не хочется уходить въ каюту. Вотъ справа Галлиполи, мѣсто прошлогоднихъ сраженій турокъ съ болгарами; тутъ же мѣсто высадки Энверъ-бея. Далѣе, насъ ведетъ турецкій лодманъ. Слева видны траляція турецкія суда. Минны, очевидно еще доселѣ не выловлены послѣ

войны, а, можетъ быть, турки снова ихъ ставятъ, въ виду возможныхъ осложненій съ Греціей.

Къ заходу солнца мы вышли въ Архипелагъ. Послѣ ужина я рѣшилъ устроить для команды чтеніе о туркахъ, Константинополь и св. Софія.

Много времени ушло на приспособленіе фонаря и его установку. Моя просьба все приготовить заблаговременно не была исполнена, а потому и чтеніе было кратко. Но за то на слѣдующій день въ Пирей оно удалось на славу. Тридцать картинъ промелькнуло незамѣтно. Матросы сожалѣли, что наступилъ конецъ такъ скоро. Но дольше продолжать чтеніе было нельзя, такъ какъ наступило время молитвы. Разказы о св. Софіи произвели на матросовъ должное воздѣйствіе, и они стали просить меня, чтобы на обратномъ пути, если мы остановимся въ Константинополь, я бы съ ними отправился въ эту знаменитую христіанскую святыню. Я обѣщала, если начальство разрешитъ и если ихъ пустятъ на берегъ. „Съ Вами то непременно пустятъ“, сказали они, и были правы. На возвратномъ пути въ Константинополь мы остановились, и со мною матросовъ пустили въ св. Софію. Къ чести моей команды—паломниковъ надо сказать, что все они возвратились на корабль во время, никто не загулялъ, такъ что для меня это паломничество было сплошною отрадою.

Но вернемся назадъ. Мы пришли въ Пирей утромъ 17 апрѣля.

Гавань въ Пирей—не широкая, но довольно большая. Послѣ Севастополя она намъ показалась крайне оживленной. Мачтъ—буквально цѣлый лѣсъ. Судовъ, судовъ всякаго рода безъ конца. Мы остановились въ самомъ началѣ бухты—въ Ксаверіонѣ, среди греческихъ военныхъ судовъ. Пристали идеально. Не разъ я любовался искусствомъ нашего командира. Точность и красота во всемъ удивительная.

Въ Пирей мы простояли цѣлую недѣлю. Было время познакомиться и съ Пиреемъ, и съ Аеянами, но своею главною цѣлью я поставилъ ознакомленіе съ постановкою религіознаго дѣла въ эллинскомъ флотѣ, поэтому и все свои дѣла устранивалъ, сообразуясь съ этою основною задачею.

Невдалекѣ отъ насъ стоялъ греческій крейсеръ „Исара“, на которомъ есть судовая церковь, и въ одинъ изъ ближайшихъ дней я рѣшилъ направиться туда. Катеръ мнѣ дали съ нашей яхты, а въ качествѣ переводчика я пригласилъ одного изъ русскихъ поставщиковъ, ежедневно посѣщавшихъ яхту въ достаточномъ количествѣ. На „Исарѣ“ принялъ насъ вахтенный начальникъ. Переводчикъ попался толковый, такъ что нашъ разговоръ шель весьма бойко. Къ моему огорченію, на массу вопросовъ, офицеръ отвѣчалъ „охи“, „охи“, т. е. нѣтъ, нѣтъ (не дѣлается того, о чемъ я спрашивалъ). Поэтому, о постановкѣ религіознаго дѣла на малыхъ корабляхъ у меня составилось довольно грустное впечатлѣніе.

Малыя суда морскими священниками посѣщаются крайне рѣдко. Ни чтеній, ни бесѣдъ съ матросами не ведутъ ни священники, ни офицеры. Команды посѣщаютъ богослуженіе въ епархіальныхъ церквахъ на берегу, но систематическаго пристрастия за этимъ нѣтъ.

Къ моему утѣшенію, эти впечатлѣнія вносльдствіи сгладились, когда я познакомился съ общою постановкою религіознаго дѣла во флотѣ¹⁾.

Путевыя впечатлѣнія ³⁾.

Организація религіозной жизни въ Греческомъ флотѣ.— Два слова о томъ же въ Германіи и Америкѣ.

Мнѣ предложили осмотрѣть судовой храмъ. Съ удовольствіемъ я принялъ это предложеніе. Храмъ оказался здѣсь же на верхней палубѣ. Въ общемъ онъ занимаетъ приблизительно столько же мѣста, какъ и наши храмы на судахъ Черноморскаго флота. Но греческій иконостасъ мнѣ показался гораздо лучшимъ, чѣмъ всѣ тѣ, которые я видѣлъ на русскихъ судахъ. Онъ сплошь рѣзной, изъ краснаго дерева, полированный. Иконы хорошаго письма, всѣ въ сребро-позлащенныхъ ризахъ. Надписи на ико-

¹⁾ Общій вѣсъ ихъ 160 пуд., при чемъ самый большой колоколъ вѣситъ 105 пуд.

²⁾ См. наприм. перечисл. Казан. церковей геодезиста Пестрикова.

³⁾ Продолженіе (см. „Вѣстникъ с. г. № 15—16).

нахъ русскія, очевидно русскаго происхожденія. У царскихъ вратъ завѣсь нѣтъ. Потомъ, на берегу я тщетно искалъ завѣсь и въ греческихъ храмахъ. Греки обходятся безъ нихъ: въ нѣкоторыхъ церквахъ, вмѣсто завѣсь, царскія врата задвигаютъ написанною на натянутомъ на рамѣ полотнѣ иконою Спасителя. Внутренность алтаря произвела на меня странное впечатлѣніе. Престоль и жертвенникъ оказались поставленными въ одну линію, плотно другъ къ другу. Престоль стоялъ посрединѣ, прислоненнымъ къ задней стѣнѣ. Жертвенникъ рядомъ съ нимъ слѣва, а справа еще какой то столъ. Всѣ на одномъ уровнѣ вилотную другъ къ другу и всѣ изъ краснаго дерева, полированные. Одеждъ на всѣхъ столахъ не было никакихъ. Верхнія доски столовъ, находившихся по сторонамъ, на шарнирахъ. Подъ столами находятся краснаго же дерева полированные сундуки, въ которыхъ хранится церковная утварь и всѣ вообще церковные предметы. Во время богослуженія престоль покрывается особымъ покрываломъ. Мѣсто между престоломъ и царскими вратами вовсе читается не такъ, какъ у насъ. Церковники и сторожа свободно ходятъ по этому мѣсту, и, какъ я узналъ потомъ, это весьма широко практикуется даже и тамъ, гдѣ престолы, какъ у насъ, можно обходить кругомъ. На кораблѣ передъ иконами горѣли лампы, и на мой вопросъ, всегда ли лампы горятъ, получился отвѣтъ, что всегда, даже и во время похода. На „Исарѣ“ царскія двери прямо упираются въ перила люка, ведущаго въ жилую палубу. Если люкъ не закрыть и периль не снять, то изъ царскихъ вратъ невозможно выйти; нельзя въ нихъ и войти иначе, какъ изъ алтари. Церковь на кораблѣ и стоянная, неразборная, какъ на многихъ нашихъ корабляхъ. На „Аверовѣ“ церковь также неразборная.

Съ „Аверовымъ“ я познакомился при гораздо лучшихъ условіяхъ. На нашу яхту прибылъ посольскій священникъ арх. Леонтій, захотѣвшій увидѣть многихъ своихъ знакомыхъ и на время разогнать тоску по родинѣ, которую на чужбинѣ ощущаютъ почти всѣ; побывать же на русскомъ кораблѣ—это все равно, что временно побывать на родинѣ. О. Леонтій пригласилъ меня къ себѣ на слѣдующій день въ Аѣны обѣдать. Тамъ мы и составили себѣ планъ посѣщенія „Аверова“. Для полноты впечатлѣній о. Леонтій предложилъ мнѣ свои услуги по осмотру греческихъ храмовъ. Я былъ очень этому радъ, такъ какъ одинъ, въ чужомъ городѣ, могъ ли я надѣяться хорошо осмотрѣть храмы, безъ свѣдущаго провожатаго? А о. Леонтій въ Аѣнахъ уже прожилъ около 8 лѣтъ, владѣетъ новогреческимъ языкомъ, знакомъ съ многими представителями греческаго духовенства и съ обычаями эллинской церкви. Въ день посѣщенія мною о. Леонтія, т. е. 18 апрѣля, послѣ обѣда мы и отправились по Аѣнскимъ храмамъ.

Прежде всего мы посѣтили митрополичью каѣдру. Оказывается я уже видѣлъ ее изъ Акрополя, но предполагалъ, что это какой-либо католическій или протестантскій храмъ, такъ какъ здѣсь нѣтъ ничего спеціально византійскаго, да и величія особаго я въ немъ издала не находилъ. Думалось, митрополичья каѣдра должна представлять собою что либо особое, величественное. Стиль храма скорѣе напоминаетъ западную базилику, чѣмъ восточную церковь. Куполь, правда, есть, но восьмигранный. Надъ западнымъ входомъ расположены двѣ башни. На одной изъ нихъ коло кола, жалкіе, съ русской точки зрѣнія, и довольно странные. Они украшены не иконами, а сиренами и амурами, работы итальянской. Вокругъ каѣдры нѣтъ погоста—сада, какъ у насъ. Есть какая то зелень, но ея крайне мало. Наши архіерейскія каѣдры куда лучше.

Храмъ довольно просторный. По стѣнамъ всюду стоять стасиди. Вообще стасиди весьма распространены въ греческихъ храмахъ. Я видѣлъ ихъ во всѣхъ береговыхъ храмахъ, которые посѣтилъ. Внутри громадная часть храма, до двухъ третей, ограждена высокою желѣзною рѣшеткою—мѣсто для почетныхъ прихожанъ. Справа королевское мѣсто, слѣва—нѣсколько рядовъ стульевъ, связанныхъ вмѣстѣ, какъ это дѣлается въ театрахъ. Странно для русскаго глаза! Посрединѣ храма нѣтъ возвышенія для митрополита. Солени нѣтъ. Ступени во всю ширину иконостаса подходятъ непосредственно къ иконостасной стѣнѣ. Иконостасъ высокій—мраморный. Вообще въ эллинскихъ храмахъ, и въ Афинахъ и въ Пиреѣ, масса мрамора, онъ тамъ дешевъ, но вкуса немного. Напрасно стараются мраморныя колонны украшать позолотою. Куда стильнѣе остатки классической старины и св. Софія, гдѣ ничего подобнаго не допускалось. У насъ предметъ роскоши—мраморъ, у грековъ—дерево. Въ общемъ иконостасъ таковъ же, какъ и у насъ, но въ нижнемъ ярусѣ иконъ въ немъ гораздо болѣе. Южныя и сѣверныя двери обычно устраиваются въ боковыхъ придѣлахъ. Почти всюду иконостасы слишкомъ массивны. Это—толстыя стѣны. Церковникъ предложилъ намъ войти въ алтарь. И вошли мы оригинально. Нашъ провожатый подошелъ къ царскимъ вратамъ и толкнулъ ихъ. Они оказались не запертыми и отъ толчка сразу раскрылись. Намъ предложено было пройти прямо. Мы вошли, какъ іереи, но за нами пошелъ и церковникъ. Особенной чистоты въ митрополи не было. Престоль довольно большой. Онъ оказался одѣтымъ въ нѣсколько одеждъ. Тѣ, кому надлежитъ мѣнять одежды, предпочитаютъ на одну одежду надѣвать вторую, потомъ третью и т. п. Я сталъ считать одежды и насчиталъ ихъ четыре,—все индиги. Греческіе престолы отличаются отъ нашихъ. Обычно они устраиваются на одной средней тумбѣ, а не на 4 ножкахъ, какъ у насъ. Церковникъ совершенно спокойной приподнял всѣ ризы и показалъ намъ подъ престоломъ нѣчто въ родѣ гроба. Тамъ у грековъ помѣщаются мощи. На престолѣ стояло три канделябра, въ общемъ свѣчей на 13. Семисвѣщникъ, гдѣ есть, обычно становится у горняго мѣста. Царскія врата—деревянныя, рѣзныя, завѣсы нѣтъ, и когда мы стали церковника спрашивать о ней, онъ насъ совершенно не понималъ. До того греки отвыкли отъ завѣсы. Только въ одномъ изъ бѣдныхъ придѣловъ одного приходскаго храма мы отыскали завѣсу, но что это была за завѣса? Одна жалость, она болѣе напоминала старый половой коверъ. Въ митрополи на престолѣ лежала плащаница, та-же, которая выносятся на средину храма, а не меньшихъ размѣровъ, какъ это дѣлается у насъ. Въ другихъ церквахъ я замѣтилъ тоже. На престолѣ во вѣбогослужебное время Евангеліе у грековъ лежитъ не богослужебное, въ роскошномъ переплетѣ, а въ переплетѣ обычномъ. Въ антимины мощей не кладутъ. Служебникъ у нихъ также постоянно находится на престолѣ. Распятія на крестахъ не съ 4-мя, а съ 3-мя гвоздями, по латински. Вообще же къ престолу они относятся гораздо проще, чѣмъ мы. Мнѣ рассказывали, что самъ митрополитъ послѣ богослуженія складываетъ свое облаченіе на престолъ. Несомнѣнно это такъ, потому что я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ греческой церкви, въ Пиреѣ, священники, во время самой вечерни 22 апрѣля, наканунѣ дня св. великомученика Георгія, стоя у престола, снимали свои фелони, клали ихъ на престолъ, тутъ же свертывали сами, а потомъ уносили. Все дѣлалось при открытыхъ Царскихъ вратахъ. Впрочемъ и въ день осмотра митрополи мы замѣтили въ нѣсколькихъ храмахъ, какъ на маленькихъ престолахъ въ придѣлахъ лежали нагроможденными другъ на друга кучи

ризь. Вообще же у грековъ въ алтаряхъ мало порядка, а въ нѣкоторыхъ церквахъ прямо грязь поразительная. Въ одной церкви я замѣтилъ прислоненнымъ къ задней части престола довольно подозрительной чистоты комодъ въ ширину престола съ выдвижными досками, на которыхъ, по разсказамъ, во время богослуженія сторожа рѣжутъ просфоры для антидора. Почти во всѣхъ греческихъ церквахъ, за престоломъ, вплотную къ нему, пристроена деревянная полка, въ родѣ стола, въ которую вставляются рипиды, принадлежность почти каждаго храма.

О царскихъ вратахъ нужно сказать, что они почти всюду не запираются, а гдѣ запираются, то на запоры удивительные по примитивности, напримѣръ: въ митрополіи—это большіе желѣзные крюки, на которые у насъ закрываютъ боковыя вѣшнія двери, въ другихъ храмахъ—длинные желѣзные болты. Странно это видѣть въ столицѣ, напоминающей большіе города Европы.

Для чтеній передъ царскими вратами, въ сторонѣ, направо и налѣво, устраиваются особые пюпитры, не съ одной наклонной плоскостью, какъ обычно у насъ, а съ 3—4, какъ это приходилось замѣчать въ Суворовской церкви въ Спб. Верхъ пюпитра устроенъ подвижнымъ, его можно поворачивать по осн. На пюпитрѣ чтенія раскладываютъ нѣсколько церковныхъ книгъ и вмѣсто того, чтобы переставлять книги и замѣнять одну другою, только поворачиваютъ верхнюю часть пюпитра въ соответствующую сторону. Это очень удобно. Обычно у грековъ всюду два аналогія для чтеній: чтеніе и пѣніе у нихъ производится на два хора. Около чтеца стоятъ стасидія и, прочитавъ что-либо, или пропѣвъ, чтець совершенно спокойно садится, а если пожелаетъ, читаетъ и сидя.

Когда король бываетъ на молебнѣ въ митрополіи съ депутатами, а это бываетъ однажды въ годъ, очевидцы говорятъ, что вмѣсто молебна устраивается какой то рауть. Духовенство съ митрополитомъ во главѣ не становится посреди храма, какъ у насъ, а выстраивается полукружіемъ, спиною къ иконостасу и лицомъ къ народу. Митрополитъ стоитъ въ царскихъ вратахъ также лицомъ къ народу, но въ полуоборотъ, чтобы не становиться совершенно спиною къ престолу.

Депутаты послѣ молебна, тутъ же въ храмѣ, надѣваютъ цилиндры, а нѣкоторые не стѣсняются закуривать сигары и папиросы, хотя бы и о горящія церковныя свѣчи.

Вообще къ храмамъ греки относятся своеобразно. Когда мы выходили изъ митрополіи, въ храмъ вошло два грека въ шапкахъ, но увидѣвъ, что мы безъ шляпъ, и они сняли свои головные уборы. Что греки курятъ въ своихъ храмахъ, это видѣли наши матросы, видѣли курившими и священниковъ, и мірянъ. Разсказываютъ, что греки въ храмахъ и кофе распиваютъ. Храмы открыты почти цѣлый день и лѣтомъ это единственное мѣсто, гдѣ относительно прохладно. Здѣсь и прохлаждаются со всѣми удобствами.

Восковыя свѣчи у грековъ—желтыя, ручной работы, весьма некрасивы и неаккуратно сдѣланы.

Въ одномъ изъ храмовъ обратилъ мое вниманіе на окно въ одномъ изъ прядѣловъ, въ которомъ стояло накрытое прозрачной пеленой снятое со креста изображеніе тѣла Распятаго Спасителя. У грековъ слѣдующій обычай. Въ Великій Четвертокъ, послѣ шестого евангелія, торжественно съ креста, обычно выкрашеннаго въ черный цвѣтъ, священники снимаютъ изображеніе Распятаго Господа и кладутъ его на престолъ. Въ Великую Пятницу торжественно уносятъ изображеніе на жертвенникъ, гдѣ оно остается до Воскресенія. Черный крестъ безъ распятія ставится въ алтарѣ.

Въ Вел. Субботу, на утренѣ, греки совершаютъ крестный ходъ съ плащаницею не вокругъ храмовъ, а по городу, какъ вздумается. Нерѣдко встрѣчаются два крестныхъ хода, одинъ другому не соглашается уступить дорогу, и начинается побойще.

Около плащаницы въ храмахъ стоитъ стража въ головныхъ уборахъ, съ ружьями и штыками, и тутъ же въ храмахъ дѣлаетъ салютъ изъ ружей холостыми зарядами. Такъ греки отдають честь Господу.

Въ Афинахъ мало храмовъ и содержатся они плохо. Мы, русскіе священники, отъ греческаго благолѣпія пришли бы въ увныіе...

Наше матеріальное положеніе—не завидно, но положеніе Эллинскаго духовенства значительно хуже. Митрополитъ казеннаго жалованья получаетъ всего 1000 руб. въ годъ; митрополитій домъ выстроенъ лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ; равнѣ митрополитъ жилъ въ бѣдненькой наемной квартирѣ въ неважномъ кварталѣ, иногда надъ кофейнями, которыя здѣсь разбросаны на каждомъ шагѣ и всюду полны.

По рассказамъ свѣдующихъ лицъ, съ церковнымъ уставомъ греки не переменяются. Присутствія русскихъ священниковъ они еще стѣсняются и при нихъ подтягиваются, но безъ нихъ не шадятъ и самой литургіи. У нихъ вовсе не рѣдкость, если послѣ Евангелія немедленно слѣдуетъ херувимская, это практикують даже и въ митрополи, будто бы даже въ присутствіи самого митрополита. Послѣ херувимской сряду—вѣрую и т. п.

Русскіе, живущіе въ Афинахъ, это подтверждаютъ въ одинъ голосъ.

Подъ такими грустными впечатлѣніями я ожидалъ знакомства и съ постановкою религіознаго дѣла въ греческомъ флотѣ, но, къ угѣшенію, этого не случилось.

Въ Воскресенье, 20 апрѣля, я, о. Леонтій и его діаконъ направились въ Фалеронъ на „Аверовъ“. Проѣхали туда на яликѣ, везъ юноша, прекрасно говорящій по-русски. Оказывается, въ Фалеронѣ почти всѣ яличники говорятъ по-русски.

Греки насъ приняли очень любезно. Узнавъ о цѣли нашего пріѣзда, командиръ рѣшилъ самъ отвѣтить на всѣ вопросы, которые меня интересовали.

Вотъ краткіе результаты нашей бесѣды, дополненные свѣдѣніями, полученными послѣдствіемъ отъ архим. Діонисія. Особого управленія морскимъ духовенствомъ у грековъ нѣтъ, но морскіе священники имѣются. Изъ 4 священниковъ всѣ архимандриты и всѣ окончили афинскій богословскій факультетъ. Вообще же въ морское духовенство избираются изъ среды духовенства лица отборныя, для того, чтобы они могли пользоваться надлежащимъ авторитетомъ въ средѣ командъ и офицеровъ. (Какъ жаль, что у насъ въ Россіи дѣльныхъ 200 лѣтъ было какъ разъ наоборотъ: во флотъ назначались іеромонахи, часто безъ всякаго образованія и поведенія не рѣдко плохого. Да и теперь вопросъ о комплектованіи морского духовенства въ Эллинскомъ королевствѣ поставленъ лучше, чѣмъ у насъ). Черезъ годъ—два служенія во флотѣ архимандритовъ обычно назначаютъ епископами.

При составѣ греческаго флота въ 4000 человекъ количество морскихъ священниковъ нельзя признать малымъ. Изъ 4-хъ архимандритовъ одинъ на берегу, въ Поросѣ, гдѣ расположенъ ихъ экипажъ, обучающій новобранцевъ, т. е. священникъ береговой, остальные на судахъ.

Греки убѣдились, что хорошіе священники для флота имѣють громадное значеніе, особенно во время войны, своими одушевляющими проповѣдями. Именно такимъ и проявилъ себя архимандритъ съ

„Аверова“. Къ нашему огорченію, о. Діонисія въ это время на кораблѣ не было. Хотя священникъ живетъ обычно на опредѣленномъ кораблѣ, но въ религиозномъ отношеніи онъ долженъ удовлетворять нужды не только своего корабля, но и другихъ, приписанныхъ къ нему, и тѣхъ, которые къ нему обращаются. На крейсерахъ, гдѣ имѣются церкви, священникъ совершаетъ богослуженіе по очереди: одно воскресенье на одномъ кораблѣ, другое — на другомъ и т. д. Когда весь флотъ стоитъ вмѣстѣ, то съ малыхъ судовъ и съ судовъ, на которыхъ богослуженіе не совершается, команды перевозятся на тѣ суда, гдѣ богослуженіе совершается. Въ другихъ же случаяхъ, когда флотъ разбѣянъ по разнымъ мѣстностямъ, корабли, не имѣющіе своихъ священниковъ, ходятъ на богослуженіе въ епархіальные храмы.

Священники постоянно ведутъ бесѣды съ командами, по две въ недѣлю, но большей части на Евангельскія темы. Бесѣды ведутъ не только на томъ кораблѣ, гдѣ живутъ, но и на приписныхъ. Бесѣда ведется не менѣе 1 часа.

Обязательная молитва, по англійскому образцу, совершается одинъ разъ въ день, около 10 ч. дня. Къ молитвѣ обязательно собирается весь корабль, начиная отъ адмирала и кончая послѣднимъ матросомъ. Всѣ одѣваются къ молитвѣ въ чистое платье. Молитва совершается не такъ какъ у насъ, а именно, она читается, а не поется и читается священникомъ, а въ его отсутствіе церковникомъ. Обычно читается „Святый Боже“, „Пресвятая Троице“, „Отче нашъ“ и „Молитвами св. Отецъ нашихъ Господи Иисусе Христе Боже Нашъ помилуй насъ“.

Вечеромъ молитву замѣняетъ спускъ флага, послѣ чего исполняется народный гимнъ. На подъемъ и спускъ флага присутствіе священника не обязательно.

Вопросъ о постахъ у грековъ поставленъ весьма интересно. Во всѣ среды и пятницы постъ обязателенъ для всѣхъ на кораблѣ, причѣмъ греки постятся даже безъ рыбы. Для каютъ-компаній исключенія не дѣлаются.

Греки на корабляхъ кромѣ того постятся весь Успенскій постъ, послѣднюю недѣлю Рождественскаго, первую и послѣднюю недѣли поста Великаго. Обычно на корабляхъ говѣютъ 3 и не менѣе двухъ разъ. Но за исполненіемъ долга исповѣди морское начальство не слѣдуетъ. Это исключительно дѣло священника и его духовныхъ мѣръ. Священники наблюдаютъ за уклоняющимися отъ исповѣди, спрашиваютъ о причинѣ, но большинство говѣетъ, хотя и не всегда достаточно охотно.

Исповѣдь обычно ведется тщательна. Но эпитимій священники избѣгаютъ, такъ какъ по условіямъ жизни на кораблѣ исполненіе многихъ эпитимій невозможно, или же будетъ обращать на себя вниманіе другихъ, что весьма нежелательно. Иногда бывали случаи и общей исповѣди, напр. вскорѣ послѣ сраженія, 3 декабря 1912 года.

Священники исполняютъ морскимъ чинамъ и всѣ требы, но платы за это не получаютъ никакой, а должны удовлетворяться исключительно своимъ жалованіемъ, а именно 375 фр. въ мѣсяць. Это приблизительно столько же, сколько получаетъ и нашъ судовой священникъ. У грековъ священники получаютъ точно столько, сколько получаютъ старшіе лейтенанты, но жалованье греческихъ офицеровъ значительно меньше нашего. На вопросъ, хватаетъ ли этого содержанія, архимандритъ отвѣтилъ, что не хватаетъ.

Среди духовенства есть выдающіеся лица. Таковъ о. Діонисій, про-

славившіяся своими одушевленными проповѣдями во время войны съ турками и даже издавшій сборникъ своихъ произведеній.

„Чарки“ у грековъ нѣтъ, и спиртные напитки на кораблѣ вовсе не допускаются, въ томъ числѣ и въ каютъ-компаніяхъ. Греки любятъ выпить, но пьянства среди моряковъ нѣтъ.

Во время бесѣды капитанъ намъ предложилъ угощеніе по-турецки: варенье, стаканъ воды и чашка кофе. Послѣ бесѣды намъ показали части снарядовъ, попавшихъ въ „Аверовъ“ 3 декабря 1912 г., лежавшихъ на особомъ столѣ. Затѣмъ намъ предложили осмотрѣть церковь и весь корабль. Тутъ мы были отданы въ распоряженіе старшаго офицера, который былъ съ нами не менѣе любезенъ, чѣмъ и самъ командиръ. Церковь, какъ и на Исарѣ, оказалась наверху и замѣчательно, она нисколько не пострадала во время морскихъ сраженій. Церковь устроена гораздо интереснѣе, чѣмъ „на Исарѣ“. Постоянная церковь состоитъ не только изъ алтаря, но изъ средней части храма. Построена она изъ тонкихъ досокъ, обитыхъ негоряемымъ картономъ; иконостасъ также рѣзной изъ к асаго дерева, но живопись еще лучше, чѣмъ на Исарѣ. Примѣчательно, что команды любятъ свои судовые храмы и охотно жертвуютъ на нихъ. Такъ на „Аверовѣ“ мнѣ указали прекрасной художественной работы иконы Св. Великомученицы Варвары и Крещенія Господня, работа аѳонская; на Исарѣ мнѣ показывали на престольный металлическій крестъ съ подставкою къ нему. Престоль здѣсь также деревянный и прислоненъ къ задней стѣнѣ, но отдѣльно отъ жертвенника, очень красивый рѣзной. Церковь производитъ глубоко отрадное впечатлѣніе. На мой вопросъ, кто сооружаетъ судовые храмы, я получилъ отвѣтъ, что само морское министерство.—Начался осмотръ корабля. Всюду на мѣстахъ, куда попали неприятельскіе снаряды, привинчены мѣдныя дощечки съ соответственными надписями. Особенно наше вниманіе было обращено на мѣсто, гдѣ были убиты офицеръ и у.-офицеръ; замѣчательно, что убитаго у.-офицера ежедневно перекликаютъ, и въ отвѣтъ другой у.-офицеръ даетъ отвѣтъ, „умеръ за отечество“. Это очень трогательно! Въ каютъ-компаніи офицеровъ и унтеръ-офицеровъ повѣшены портреты убитыхъ.

Греки очень любятъ свой „Аверовъ“ и постоянно посѣщаютъ его. При насъ было много народа, были и греческіе семинаристы, одѣтые въ черныя рясы. Странно видѣть мальчиковъ, одѣтыхъ по-іерейски и съ длинными волосами. Мы поблагодарили нашихъ любезныхъ хозяевъ; я сказалъ старшему офицеру, что нашелъ въ организаціи религіозной жизни греческаго флота весьма много поучительнаго. Мы разстались, пожелавъ другъ другу и нашимъ странамъ всего добраго ¹⁾).

Прот. Р. Медведь.

Путевыя впечатлѣнія ²⁾.

22-го апрѣля Архимандритъ Дафнось, по порученію адмирала Кундуріотиса, прѣхаль ко мнѣ на „Алмазь“. Это мужичина очень живой, лѣтъ 35, средняго роста, весьма интеллигентный, прѣхаль онъ съ переводчикомъ. Я былъ очень радъ провѣрить все полученныя мною свѣдѣнія у компетентнаго духовнаго лица. Все оказалось именно такъ, какъ нами изложено выше. Новостью для меня оказалось лишь то, что *всенощныхъ на греческихъ корабляхъ при командѣ не совершается*, а лишь одна обѣдня. Но это не относится ко времени говѣнія. Всю страстную седмицу богослуженіе совершается, начиная съ понедѣльника.

Обѣдня совершается скоро, — *продолжается лишь немного больше получаса*, хотя опускаются лишь прошенія объ оглашенныхъ (какъ они ухитряются служить такъ скоро?).

На мой вопросъ о состояніи религіи у грековъ о. Дафнось откровенно сказалъ, что въ городахъ интеллигенція отошла отъ церкви довольно далеко; особенною же либеральностью отличаются учившіеся въ Германіи. Но въ общемъ, долгъ исповѣди исполняется весьма многими, два три раза въ годъ, но исповѣдуются въ городахъ больше формально. Къ сожалѣнію, надо сознаться, говорилъ о. Діонисій, бывали случаи, что необразованные священники съ недостаточною тщательностью относились къ тайнѣ исповѣди, въ результатѣ чего явилось недовѣріе къ духовенству и скрываніе своихъ грѣховъ. Деревня, конечно, крѣпче. Относительно флота онъ сознался, что у нихъ, нерѣдко приходятъ людьми добрыми, а во флотѣ развращаются. О. Діонисій былъ моимъ гостемъ около трехъ часовъ, а потомъ былъ любезенъ проводить меня къ вечернѣ въ церковь св. Троицы въ Пирей.

Мы отстояли вечерню. Служба была торжественная. Служило три священника и одинъ діаконовъ. На лѣвомъ клиросѣ стоялъ одинъ псалтъ, на правомъ 3 взрослыхъ и два мальчика. Псалты одѣты чистенько, по-европейски.

Греческое пѣніе — унисонное, но имѣетъ свою прелесть, на настроеніе дѣйствуетъ религіозно, въ пѣніи выводятъ много всякихъ фигуръ. Если поетъ нѣсколько псалтовъ, то одинъ изъ нихъ тишетъ все время одну ноту. Впечатлѣніе — странное; чувствуется что то примитивное. Оно напомнило мнѣ пѣніе лирниковъ Западной Россіи, напоминаетъ и пѣніе латинское.

Греческое духовенство служить въ своихъ камилавкахъ, не исключая и діаконовъ. На выходѣ я присмотрѣлся къ іереямъ. Удивительно все вышли въ разныхъ облаченіяхъ. Діаконовъ въ бѣломъ, орарь повязанъ какъ у архидіакона. Каждый изъ іереевъ въ особой фелони: одинъ въ красноватой, другой въ зеленой, третій въ сѣрой. Фелони зади много короче нашихъ, спереди значительно длиннѣе. Отцы располагались въ рядъ передъ царскими вратами и сами запѣли „Свѣте тихій“. Пѣли хо-

¹⁾ Будетъ продолженіе.

²⁾ Окончаніе (см. Вѣстникъ с. г. № 17).

рошо, стройно и очень долго, не менѣе 10 минутъ. Прокимень діаконь возгласилъ въ царскихъ вратахъ. Во все время вечерни царскія врата были открыты. Послѣ входа два іерея разоблачилися, остался одинъ настоятель.

На „трисвятомъ“, въ концѣ вечерни, настоятель сталъ въ царскихъ вратахъ лицомъ къ народу и такъ простоялъ до конца вечерни. Трисвятное читалъ мальчикъ. Послѣ чтенія онъ подошелъ къ мѣстной иконѣ Божіей Матери, сдѣлалъ земной поклонъ и поцѣловалъ ее, затѣмъ сдѣлалъ земной поклонъ настоятелю и получилъ отъ него благословеніе. Читалъ передъ дарскими вратами. Моментъ вышелъ трогательный,

Отпустъ настоятель дѣлалъ, продолжая стоять по прежнему—лицомъ къ народу. На „Пресвятая Богородице, спаси насъ“—онъ сталъ въ полуборотъ къ иконѣ Божіей Матери, а на „Слава Тебѣ, Христе Боже“—въ полуборотъ къ иконѣ Спасителя.

Подсвѣчники у грековъ двоякаго рода. Одни громадные, выше человѣческаго роста, стоять у мѣстныхъ иконъ, и на нихъ молящіеся не имѣютъ права ставить свѣчей; другіе—малые, на которыхъ ставятъ свѣчи; расположены они по бокамъ и у иконъ меньшаго формата.

Во время двухнедѣльнаго плаванія мнѣ случайно пришлось столкнуться еще съ нѣмцами у себя на „Алмазѣ“.

Пріѣхали къ намъ 3 нѣмца съ торговаго судна: помощникъ командира, механикъ и докторъ. Какъ полагаются нѣмцамъ, всѣ они были высокаго роста, розовые, здоровые, упитанные. Пріѣхали они отдать визитъ нашей каютъ-компаніи. За завтракомъ я и рѣшилъ ихъ проинтервьюировать. Хотя они и не военные моряки, но одинъ изъ нихъ служилъ во флотѣ, поэтому и могъ передать свои впечатлѣнія.

Въ *Германіи морское духовенство* раздѣляется на католическое и лютеранское, подчинено старшему пастору, живущему въ г. Кильѣ. Потребности лютеранъ и католиковъ удовлетворяются отдѣльно, при чемъ католики подчинены особому офицеру, также католику, который и наблюдаетъ за удовлетвореніемъ религиозныхъ потребностей чиновъ—католиковъ.

Каждый священникъ, будто бы, имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи 4 судна, на которыхъ онъ по воскресеніямъ совершаетъ богослуженіе поочередно. Но когда богослуженіе не совершаетъ священникъ, то его совершаетъ *Командиръ* судна. Онъ же, по желанію, говоритъ и проповѣдь. *Богослуженіе* совершается обычно *полчася*. Молитвъ утромъ и вечеромъ, общихъ, не совершается, а вечеромъ при спускѣ флага каждому предоставляется молиться по своему исповѣданію.

Пасторъ не менѣе одного раза въ недѣлю является на судно для бесѣды съ командою. Бесѣды—характера религиознаго, военно-историческаго и по исторіи царствующаго дома.

Обычно бесѣды ведутся утромъ съ 11 ч. до 12; о днѣ и часѣ пасторъ впередъ уведомляетъ командира, и на время бесѣды—команда освобождается отъ всякихъ работъ.

Въ этомъ отношеніи въ Германіи дѣло поставлено лучше, чѣмъ у насъ, въ Греціи и Америкѣ, гдѣ бесѣды ведутся обычно вечеромъ, послѣ занятій.

Въ Германіи при воспитаніи нижнихъ чиновъ примѣняется совершенно опредѣленная система взысканій, въ родѣ таксы. За всякій пропускъ слѣдуетъ соответственное возмездіе. Напримѣръ, плюнуть на палубу,—вечеромъ будетъ стоять 1 часъ съ плевательницей въ рукахъ; всѣ другіе подходятъ и плюютъ въ нее. За нетрезвость провинившіяся переводится въ назшіи разрядъ по отпускамъ; вообще отпуски у нѣмцевъ

широко развиты: нельзя съѣзжать лишь черезъ два дня въ третій; кто провинился, тотъ переводится въ разрядъ тѣхъ, кому отпускъ дается 1 разъ въ недѣлю, провинился еще разъ, отпускъ одинъ разъ въ мѣсяцъ и т. д. Вообще же никакого проступка нѣмцы не оставляютъ безъ возмездія. И здѣсь нѣмецкая система и постоянство.

— На обратномъ пути, въ Константинополь, я посѣтилъ яхты Итальянскую и Американскую.

О Италіи не пришлось узнать ничего отраднаго. Вопросы религиозные тамъ совершенно игнорируются. Только во время войны приглашены были священники, но и то лишь въ армію. Команда къ 10 ч. утра въ воскресенье свозится на берегъ и, если кто желаетъ, посѣщаетъ храмъ, но морское начальство въ религиозные вопросы вовсе не входитъ.

Въ Америкѣ, напротивъ, на удовлетвореніе религиозныхъ потребностей обращено надлежащее вниманіе.

Тамъ нѣтъ государственной религіи; во флотъ принимаются лица различныхъ исповѣданій, кромѣ евреевъ. Всѣхъ морскихъ священниковъ разныхъ исповѣданій—25. Обычно они приравниваются къ какому либо чину, начиная съ мичмана, жалованье по чину, черезъ три года повышение въ чинъ, форма такая же, какъ и у офицеровъ, не носятъ лишь золотого околыша на фуражкѣ. Священники принимаются во флотъ лишь въ возрастѣ съ 21 года до 35 лѣтъ. Предѣльный возрастъ службы священника во флотѣ 62 года. Религія—дѣло совершенно свободное. Военная власть одинаково благожелательна ко всѣмъ исповѣданіямъ.

Духовныя лица могутъ постоянно заниматься съ командами въ свободное время, т. е. послѣ 6 часовъ вечера; въ выборъ занятій томъ священники совершенно свободны. Въ воскресные дни исключительно на удовлетвореніе религиозныхъ нуждъ дается время съ 9¹/₂ ч. до 12. Священники въ это время могутъ и богослуженіе совершать и говорить.

Судовыхъ церквей у нихъ нѣтъ, но богослуженіе на кораблѣ стараются обставить возможно торжественнѣе, украшая помѣщеніе флагами и т. п. Посѣщеніе бесѣдъ и богослуженія—дѣло исключительной свободы моряковъ.

Изъ 25 духовныхъ лицъ въ Америкѣ капитановъ 1-го ранга—3, капитановъ 2-го ранга—7, ст. лейтенантовъ 5, лейтенантовъ 6, мичмановъ 4.

Весьма жаль, что не удалось познакомиться съ постановкою религиознаго дѣла во флотахъ англійскомъ и австрійскомъ. Въ Англии все стѣльное, религія крѣпко держится. Въ Австріи интересно было бы понаблюдать дѣятельность католическихъ патеровъ.

Изъ плаванія мы вернулись 28 апрѣля. Фли свосей я достигъ, познакомился съ судовою жизнью и съ положеніемъ судового священника. Въ сердцѣ сложились относительно этихъ предметовъ нѣкоторыя свои заключенія, но объ нихъ до слѣдующаго благопріятнаго случая.